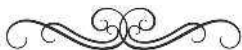

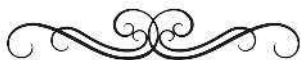
СЕРИЯ «ВОЛШЕБНАЯ АКАДЕМИЯ»

- НАТАЛЬЯ ЖИЛЬЦОВА,
АЗАЛИЯ ЕРЕМЕЕВА
«Академия магического права»
Кн. 1 «Брюнетка в законе»
Кн. 2 «Брюнетка в защите»
Кн. 3 «Брюнетка в осаде»
Кн. 4 «Брюнетка в бою»
- ЛИКА ВЕРХ
«Академия темных.»
Кн. 1 «Игра на выживание»
Кн. 2 «Преферанс со смертью»
- МАРГАРИТА ГРИШАЕВА
«Высшая правовая магическая академия»
Кн. 1 «Оперативные будни»
Кн. 2 «Работа под прикрытием»
Кн. 3 «Ловушка для высшего лорда»
Кн. 4 «Тайны высшего света»
- БРОНИСЛАВА ВОНСОВИЧ,
ТИНА ЛУКЬЯНОВА
«Я ненавижу магические академии»
«Меня любят в Магической академии»
- КАРИНА ДЕМИНА
«Внучка берендеева
в чародейской академии»
«Внучка берендеева.
Второй семестр»
«Внучка берендеева.
Третий лишний»
- ИРМАТА АРЬЯР
«Академия Тьмы и Теней»
*Кн. 1 «Телохранительница
Его Темнейшества»*
*Кн. 2. «Советница
Его Темнейшества»*
- НАСТЯ ЛЮБИМКА
«Академия Снятельных»
Кн. 1. «Алая печать»
Кн. 2. «Страж огня»
Кн. 3. «Власть любви»
- ОЛЬГА ВАЛЕНТЕЕВА
«Факультет чудовищ»
«Факультет чудовищ.
Грабли для профессора»
«Факультет чудовищ.
С профессором шутки плохи»
- ЕКАТЕРИНА ФЛАТ
«Факультет уникальной магии»
«Факультет уникальной магии.
Возвращение домой»
- АЛЕКСАНДРА ЛИСИНА
«Академия высокого искусства»
Кн. 1. «Адептка»
Кн. 2 «Магиня»
Кн. 3 «Ученица боевого мага»
Кн. 4 «Беглянка»
- АНЯ СОКОЛ
«Первый ученик»
- РОЗАЛИНДА ШТОРМ
«Академия магических близнецов»
«Академия магических близнецов.
Отражение»
- КУПАВА ОГИНСКАЯ
«Прикладная некромантия.
Записки между страниц»
- МСТИСЛАВА ЧЕРНАЯ
«Наследница Тумана. Академия магии
при Храме всех богов»
- ВИКТОРИЯ КАРЕЛОВА
«Академия Истины»
- ДАРЬЯ СОРОКИНА
«Педагогика для некроманта»
«Шпаргалка для некроманта»
- ЯРА ГОРИНА
«Последняя из рода Теней»
- ОКСАНА ГРИНБЕРГА
«Расправить крылья.
Академия Магии Севера»
- ДИАНА ШАФРАН
«Турнир четырех стихий»
- ЮЛИЯ ШКУТОВА
«Я нарисую тебе сказку.
Академия Магического Познания»
- МАРИЯ БОТАЛОВА
«Академия Равновесия.
Охота на феникса»
- ОЛЬГА РОМАНОВСКАЯ
«Гранит науки и немного любви»

ОЛЬГА РОМАНОВСКАЯ

ГРАНИТ НАУКИ
И НЕМНОГО ЛЮБВИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Серийное оформление — *Василий Половцев*

Иллюстрация на обложке — *Ирина Круглова*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Романовская, Ольга.

Р69 Гранит науки и немного любви : [роман] / Ольга Романовская. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 384 с. — (Волшебная академия).

ISBN 978-5-17-099317-8

Агния Выжга очень хотела поступить в Академию магии. Почему бы и нет? Только она замужем, а супруг категорически против: два мага в доме — перебор, да и дара у Агнии нет. Но упрямство открывало и не такие двери.

Говорите, путь тернист? Ведьмой не стану? Так я рядом постою, ассистировать буду, но свою мечту осуществлю.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-099317-8

© О. Романовская, 2018
© Оформление.
ООО «Издательство АСТ», 2018

ГЛАВА 1

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПЕРЕМЕНЧИВЫ, ПРИНЦИПЫ — НИКОГДА

— Ты сбрендила?!

Начало выглядело обнадеживающим, но я и ожидала чего-то подобного. Не пожеланий же доброго пути! Поэтому сидела, болтала ногами и жевала яблоко. Медленно, наслаждаясь вкусом и не обращая внимания на громогласные тирады. Для себя я давным-давно все решила, а чужое мнение... Лесом и степью, дорогие и любимые! Я не нанималась всю жизнь провести на кухне в полном невежестве. Сидеть дома только потому, что маму угораздило родить меня от вампира. Правда, семейное предание вызывало сомнения: сложно забеременеть от существа, которому в постели без свежей крови и стимуляторов никуда. Откуда знаю? Любила сплетни слушать. Одну девушку вампир на кладбище подловил. Та легко отделалась — не получилось у насильника. Так расстроился, бедняжка, что отпустил на все четыре стороны, только шрамы на запястье на память оставил. Еще одно заблуждение — вампиры не за горло хватают. Выходит, лгала матушка или вампир попался свежеиспеченный.

Подозреваю, заделал меня некромант, оживлявший несчастную деву. О нем-то мне не рассказывали, всегда отмахивались. Странные все же люди: родить от вампира — почет и уважение, а залететь от мага — позор. Что поделаешь, клеймили незаконно-рожденных детей, вот и выдумывали истории.

Любила ли мама отца, или он так, не спрашивая, познакомился, пока жертва в себя приходила? Матушка ведь и сейчас у меня хороша, мужчины заглядываются. Но она кремьень, никого не подпускает. Замуж, впрочем, вышла, не сразу, а как я подросла. И меня вот спихнула. Вернее, я сама пошла, по большой и чистой любви. И теперь моя любовь заявляла, что место мне с половником на кухне, а не в библиотеке с книгами. Нет, честно, а? Сам выу-

чился, магичит, только по-мелкому. Дело свое завел, дом новый построил. На кухне оного и заливался соловьем.

Кивала, жевала и думала о своем. В частности, что скоро завою от тоски. Муж Хендрик, даром что маг, оказался заурядным человеком. Нет, ухаживал красиво, цветы из воздуха создавал, бесплатно отчиму помогал. Он у меня сельский староста, услугами чародеев пользовался регулярно. Они, как известно, недешевы, а проблемы с распоясавшейся нечистью рогатиной не решишь. Хендрик пришелся кстати.

Взглянула на мужа, битый час живописавшего умственные способности женщин, — до сих пор хорош, зараза! Зеленоглазый высокий шатен. Девчонки по нему сохли, пакости всякие делали, лишь бы на них внимание обратил, а он ни в какую, только Агния. Впрочем, я его понимаю: лицом и фигурой вышла, а уж когда волосы распушу — русалка русалкой! Тоже, к слову, зеленоглазая, но блондинка. Иногда в рыжий цвет крашусь: мне идет, и мужу нравится.

Русалка я неслучайно. Мы с Хендриком на речке близко познакомились. В те времена я хихикала и заставляла будущего мужа целоваться с веником. Как? Очень просто: он впотьмах потянется, а я веник подставляю.

Река в лесу протекала, среди березок. У меня там свое укромное местечко. Парни за девками подглядывать горазды, вот и забралась подальше. По теплomu времени купалась в чем мать родила, а Хендрик, зараза, выследил, вещи украл. Мне из воды выходить — а нет ничего. Поклонник стоит, улыбается, прелести рассматривает, а мне и прикрыться нечем, только волосами — спасибо, длинные. Просидела в воде часа два, потом вылезла. Поцелуями не отделалась, канула в омут девичья честь. Получив, что хотел, Хендрик отдал одежду, помог заплести косу, до дома проводил. Думала: ходить перестанет — нет, зачастил пуще прежнего. Начал в сенях тискать, на сеновал приглашать. Я не возражала: маг ведь! И влюблена была, как кошка. Только прознали родные и замуж спихнули.

И вот сию теперь на кухне, а Хендрик убеждает, что в академию таких, как я, даже вольнослушателями не берут. И вообще способностей у меня никаких, знаний тоже — не позорилась бы! Вишь, взбрела в голову всякая чушь, да и два мага в семье — перебор. Мне бы детей рожать и за хозяйством следить. Увы, в свои восемнадцать рожать я категорически не собиралась, только у мужа, похоже, иные планы. Дал погулять, к супружеской жизни привыкнуть и поставил перед фактом: вместо академии ребенка заведем. И ведь сдержит обещание. Под боком леса с травами нет, а в городе такого не купишь, да и замужней не положено. Ну,

если очень хочется, можно, конечно, но дорого: мне карманных денег не хватит. Вот ведьмам легче — никаких запретов, сама взяла и приготовила.

Словом, рожать мне не хотелось, а вот в столицу податься и попробовать сдать экзамены — очень даже. Не сумею, значит, не судьба. Да и ничего дурного не случится, если засяду грызть гранит науки и повременю с наследником, только как объяснить это мужу? Уперся, баран, слушать ничего не желает. Мужчина, что с него возьмешь!

Матушка, безусловно, тоже назвала бы дурой. Она не одобряла женского учения сверх нормы, ограничивавшейся двумя «д», одним «м» и одним «г». С «д» все просто: дом и дети. «М» — муж. «Г» — грамота. Всеми премудростями я овладела, мужем обзавелась, дети тоже намечались через пару лет... Стоп, не дети, а ребенок. Не нанималась пеленки стирать и целыми днями на кухне торчать. Да и на какие деньги, дорогой? Или ты от меня что-то скрываешь?

— Хендрик, ты повторяешься, новое придумай, а? — Лениво потянулась за другим яблоком: первое догрызла. — То, что ума у женщин на дырявый медяк, я уже поняла, но почему-то не поглупела.

— Милая, а чем тогда все объяснить? — скрестив руки на груди, Хендрик в упор глядел на меня.

Красивый, сволочь! Вот скажите, почему у женщин слабость к привлекательным мужчинам? Муж знал, от чего я млею, после серьезной ссоры тащил в постель. Брыкалась, шипела, но сдавалась. Может, он и тогда, два года назад, тоже знал? Словом, брал благоверный главным мужским оружием, но исключительно тогда, когда аргументы кончались. Сейчас не тот случай. Хендрик считал себя правым.

— Что именно? — простодушно улыбнулась.

— Твою глупую затею. Я никуда тебя не отпущу — и точка.

Надо же, какие мы грозные! Приказывает, думает, послушаюсь? Ну-ну! Если я чего-то очень хочу, получу. Для чего, пока сама не поняла, но точно знаю: пригодится. Хотя бы для того, чтобы не стать придатком Хендрика. А так кто я такая? Прачка, кухарка, любовница. Муж ведь со мной ни о чем не разговаривает, как гости придут, велит помалкивать, вот и решила: хочу быть с ним на равных. Тайком начала по конспектам, книжкам лазать — даром, что ли, «г», то есть грамоту, освоила? Только ни бельмеса не понятно!

— Милый, а я тебя спрашивала? Просто перед фактом поставила.

Хендрик остолбенел, уставился на меня, будто рыба, выпучив глаза. Даже испугалась: не случился ли удар?

— Агния, ты на солнышке перегрелась? Не больна, часом?

Нет, отмер. Подошел, потрогал лоб.

— Солнышка три дня не видно.

Встала, чмокнула его в висок и направилась к печке: я кашу томиться поставила, нужно взглянуть. Заодно подумаю, на какой кобыле к благоверному подъехать. Бой предстоит нешуточный, не лишнее платье купить! Лишнее, разумеется, с точки зрения Хендрика: любой женщине известно, много платьев не бывает.

— Значит, грибочков объелась, — резюмировал муж и по-хозяйски положил руку на талию. — Сама подумай: через неделю, поджав хвост, прибежишь.

— А если не прибегу?

— Агния, не спорь. Сама прекрасно все понимаешь, только признавать, что не права, не желаешь. Зачем тебе учеба, ребенок гораздо лучше.

— Угу, счастье материнства и все такое, — пробурчала я, шуруя ухватом в печи. — Не спать ночами, кормить, поить, пеленать. Нет, скажи честно: я для тебя дура?

— Иногда, — муж оказался оскорбительно честен, нет чтобы соврать!

Надувшись, упрямо заявила:

— Все равно поеду! Провалюсь так провалюсь.

— Перед людьми не позорься! — Хендрик опять повысил голос. — Твое место здесь.

— Когда ты успел стать рабовладельцем?

— Не мели чепухи!

Муж рывкнул так, что я вздрогнула и выронила ухват. Горшок с кашей чудом не разбился, плюхнувшись на печь. Хорошо, невысоко летел, а то остались бы без обеда.

Ясно, костями ляжет, но не отпустит, еще мать привлечет и свою родню. Она у него большая.

Потом подумала: а что, собственно, Хендрик сделает? Не ударит же! Запрет? Будто я через окно не вылезу! Сколько раз проделывала. К кровати привяжет? Так ведь противозаконно. Письменно запретит уезжать? Так я жена, а не скотина. Словом, покричит и смирится.

— Хендрик, а Хендрик, ты меня любишь? — вкрадчиво поинтересовалась я.

Ой, не терпят мужчины этого вопроса! Вот и мой сразу ступешавался, притих, а я гну свою линию:

— Если любишь, должен заботиться. Не хочешь одну отпустить, свези сам.

Снова встал в позу, насупился, завел речь о помутнении рас-судка, а после и вовсе велел компот сварить. Вот ведь гад!

— Зачем мне компот, я в академию хочу.

— Хотеть не вредно. Делай уж, что хорошо выходит, а не в свое дело не лезь.

Не в свое дело, значит? Ничего, я упрямая, без твоего согласия уеду. Женщина — существо такое. Своеобразное.

Проигрывать бой не хотелось, поэтому продолжала словесную пикировку. Перво-наперво с прищуром поинтересовалась, какое такое мое дело:

— Просвети недалекую деревенщину.

— Еду готовить.

Хендрик плюхнулся на стул. Спор его изрядно вымотал.

— Тапочки носить, за почтой бегать? — хотелось отомстить за «дуру».

— Взрослая женщина, а ведешь себя!.. Я бредовым идеям по-творствовать не стану.

— Я же твоим потворствую, — снова занялась кашей.

Вроде не пересолила. Пусть еще потомится.

— Агния, я не слушаю. — Хендрик демонстративно закрыл уши руками. — Ты не в себе.

— В себе, себе, — ехидничала я, почуяв вкус близкой по-беды, — пока никуда не уходила.

— Да куда ты денешься! — отмахнулся муж.

Слушал-таки!

Ах вот как? Тогда сам себе компот вари и ужин готовь.

Молча вышла из кухни и громко хлопнула входной дверью.

Родные мне не союзники, посему прямая дорога мне на постоя-льный двор. Может, найдется добрая, бескорыстная душа? Я особо не надеялась, сама абы кого с собой в путь не взяла бы.

Ноги сами принесли. Нет, не к постоялому двору, а к трактиру, который содержал благоверный давней приятельницы. Именно отсюда я частенько забирала муженька. Мельком бросив взгляд на вывеску — сразу догадаешься, что медведь, — толкнула дверь и вошла. Народец есть, но тихий, собой занят. Не чадят, перегаром не дышат. Пока шла к стойке, окинула взглядом честную компа-нию. Поди разбери, кто купец! Ладно, узнаем.

Плюхнулась за стойку и заказала пива. Оно оказалось вкус-ным, с густой пеной и запахом хмеля. С удовольствием потягивала из кружки, игнорируя неодобрительные взгляды Шорта. Пила

в долг — нас тут знают, а денег в переднике не ношу. Леший, я его снять забыла! Все Хендрик! Заболтал, расстроил.

— Шорт, — вкрадчиво поинтересовалась я, смакуя содержимое кружки, — а тут столичных торговцев нету?

— Зачем тебе? — насторожился Шорт.

— Любовника побогаче хочу найти.

Мысленно хихикнула. Что, съел? И сказать нечего.

Шорт вытер кружки и усмехнулся:

— Ну и шутница ты, Агния! Есть тут один... Тебе для какой цели?

— Новости узнать.

Человечка мне указали, и я поплелась к нему. Кружку прихватила. Знаю я, вернешься, а пива уже след простыл. Кружка, увы, большая, рассчитана на мужчину, цедить придется до ночи.

— Вечер добрый!

Русалочья внешность и зеленые глаза сделали свое дело: на меня обратили внимание.

Приветливо улыбнулась троице за столом, кокетливо поправила волосы и незаметно дернула за ленту, чтобы они густой волной рассыпались по плечам. Вот и фартук пригодился: убрала туда ленточку.

Шорт осуждающе косится. Пускай!

Если тебя чем-то наделили, пользуйся для достижения цели. То, что замужем, не скрою, но и колечко показывать раньше времени не стану.

Эх, не нагулялась, повелась на всяких зеленоглазых, а может, мне эльфийский принц судьбой предназначен? Но, как говаривала тетушка: брак — не клеймо, всегда избавиться можно. Я Хендрика бросать, разумеется, не собиралась (пока, во всяком случае), но и в вековое ярмо впрягаться не желала.

— Добрый, краля. Ты чья будешь?

— Своя собственная. Сесть рядом разрешите?

Подвинулись, разрешили.

Как бы нужный разговор завести? Не в лоб же: «Хочу в столицу, а муж не пускает». Тогда точно академии не увижу и даже не как своих ушей: последние хоть в зеркале отражаются. Шорт за милую душу заложит муженьку. Хм, а ведь он и так расскажет, надо бы его куда-нибудь спровадить. Хоть бы клиенты подошли!

Храни меня, моя звезда! Охотник на вампиров пожаловал.

Скосив глаза, проводила взглядом мрачного субъекта, не дававшего спокойно спать в гробах упырям и вечно живым любителям чужой крови. Ну и амулетов на нем! Интересно, они действительно защищают? К примеру, тот, с глазом? Так и хотелось по-

дойти, спросить. Признаться, пару раз порывалась купить нечто подобное, но Хендрик от палаток торговцев отгонял. Сам он россыпь побрякушек не носил, только амулет на кожаном шнурке, неказистый, из потемневшего металла, даже в постели не снимал. Зато у охотника поверх куртки целый цветник! Будто градоправитель в праздничный день. Что-то мне подсказывало, для красоты все, народ попугать, цену набить. Я бы лучше Хендрику заплатила: у него диплом, а не просто свиные брови.

Незаметно перевернула обручальное колечко камушком внутрь и продолжила загадочно потягивать пиво. Оно уже не лезло в горло, но с кружкой расставаться нельзя: чем еще займу руки? Не сидеть же и пялиться на людей? Мягко говоря, невежливо. А то, что молчу... Так пусть сами спросят.

Так, есть! Именем интересуются, планами на вечер. Я глазки строю, кокетничаю — куда там всяким сиренам! Хендрик рассказывал, есть такие полуженщины-полуптицы, которые мужиков охмуряют. У нас перевелись, а за морем остались. Говорю, что свободна, что закат могу с ними посмотреть, а вот на звезды — ни-ни. Потом вздыхаю: в столицу к любимой бабушке отвезти некому.

Клюнули!

Условившись, где и когда встретимся, вспомнила о муже — злом и некормленном. Влила в себя остатки пива, соврала про дела и поплелась к благоверному мириться. Вернее, я-то с ним не ссорилась, но без извинений подозрительный Хендрик все планы порушит. Вот ведь упертый мужик! А еще меня упрямой называет. Я не настойчивая, просто должна же у человека быть мечта? Что плохого, если он к ней стремится, или женщинам не положено?

Дома, вопреки ожиданиям, меня не ждали с распростертыми объятиями. Никаких: «Дорогая, я волновался, скучал!» Даже обидно стало. Будто на рынок пошла! Или это метод борьбы с несговорчивой женой?

Хендрик с абсолютно равнодушным видом уминал кашу. Отрезал шмат колбасы и жевал. Ну вот, прекрасно без меня обойдется.

— Нагулялась, голову проветрила?

Так, спокойно, он меня провоцирует. Истеричек в маги не берут, поэтому соберись, Агния, и дай отпор противнику.

— Ага, много светлых мыслей надуло.

— Например? — Хендрик оторвался от чугунка, с прищуром глянул на меня.

— Что надо тебе компот сварить или варенье. Если будешь хорошим мальчиком. А ты, увы, — тяжкий вздох, — меня огорчаешь.

Муж пропустил колкости мимо ушей. Он вообще не особо меня слушал: пусть женщина языком мелет, ничего умного не скажет.

Достала тарелку, пристроилась ужинать рядом. Хендрик принюхался и нахмурился.

— Агния, ты пила?!

Только глаза такие делать не надо: сам вынудил.

— Угу. Запивала горечь на мужа, который столько гадостей наговорил.

Делано шмыгнула носом и отвернулась, надув губки. Я, конечно, не обиделась, но для дела нужно. Заодно сердиться, жуя, удобно.

Хендрик оказался непробиваем: извиняться не собирался, более того, продолжил разговор на тему «Женщина и наука». Заключение осталось прежним: никуда не поедешь.

Пожала плечами.

— Поеду. Не сейчас, так потом.

— Расхочется, — усмехнулся муж. — Это ты от скуки.

От скуки?!

Захотелось вскочить и треснуть его половником. Женщины дома не бездельничают, а работают. Еда, чистые рубашки и мытая посуда с неба не падают.

— Но ты же учился, почему я не могу?

— Дара нет, — отрезал всезнающий муж. — Агния, кончай, надоело! Ты как капризный ребенок. Отвезу-ка я тебя к матери: физический труд полезен.

Вовремя я с купцами сговорила! С Хендрика станется завтра обещание сдержать.

— Избавиться хочешь?

— Агния! — он с укором посмотрел на меня. — Ты прекрасно знаешь, что все это для твоего же блага. За тобой пригляд нужен, чтобы глупостей не натворила. От кого набралась-то?

— От тебя. Ты же маг.

— Твой отчим — староста, но твоя матушка управлять деревней не лезет. Не женское это дело. И магия тоже.

Женоненавистник какой-то! Как меня угораздило за него выйти?

Вечер прошел мирно: у мужа за книгами, у меня — за вышиванием. После Хендрик выдал горькое снадобье, способствующее успокоению нервов и улетучиванию глупых мыслей. И все, свободна.

Нацарапала на клочке бумаги короткую записку: «Не волнуйся, со мной все в порядке. Потом напишу. И я не сбрендил!» Оста-

вила послание на кухонном столе, чтобы с утра увидел, переполох не поднял, и потопала в спальню. Хендрик так рано не ложится: либо в кабинете сидит, либо у огонька пьет, читает.

Вещей взяла немного: сколько унесу в холщовой торбе. Я с ней на рынок ходила, а теперь вот в столицу поеду. Когда явился муж, успела все припрятать и лечь в постель.

Хендрик разделся, толкнул в бок. Ясно, супружеский долг. Быстро, безо всяких извинений. Не понравилось совершенно. После муж завалился рядом, по привычке положив руку на живот. Ладно, потом скину, или сам на другой бок перевернется: в обнимку мы не спим.

Супруг захрапел, а я ворочалась, с нетерпением ожидая, когда забрезжит рассвет.

Завтра пробудется моя заветная мечта!

А вдруг муж проснется? Кинула на него взгляд. Да нет, Хендрика и пушкой не разбудишь. Эх, а ведь прежде... Помнится, всю ночь могли не спать.

С тоской покосилась на супружника. Такой хорошенький! Взяла бы и расцеловала, только вот проснется и начнет. Про таких, как Хендрик, говорят: милый, пока спит.

Не удержалась, забылась-таки чутким сном, едва первых петухов не проворонила. Осторожно сползла с кровати, пригладила волосы пятерней — и шасть за дверь с торбой. Одевалась так, словно стая волков гналась, все боялась, Хендрик проснется, хватится. Обошлось.

Дверь не скрипнула. Еще бы, вчера столько масла извела!

Воровато припустила по росе к постоялому двору.

Сердце прыгало в груди, колотилось о ребра. Вдруг уехали, меня не дождались? Девка — всегда к беде, у народа примет и поговорок хватает. Нет, уф, стоят, родимые! Замедлила шаг, нацепила на лицо улыбку. Ох, чую, напугаю! Я ж со сна такая красавица, с кикиморами дружить.

Купцы деловито пересчитывали тюки с мукой, покрикивали на нерасторопных возчиков и украдкой зевали в кулак. Оно и понятно: заря только занялась, только выезжать нужно непременно с первыми лучами, чтобы времени зря не терять.

— Привет, красавица! — кивнул давешний знакомый и подмигнул.

На этот случай у меня ножичек припасен, а под рубашкой кошелек зашит. Я женщина честная, мужнина жена, посмотреть позволю, а трогать не дам. Словом, чувствую, предстоит тяжелый разговор. Как бы не ссадили по дороге!

Поболтали о том о сем — так, чтобы время занять. Я сразу главного нашла, монетку сунула — задаток. Тот на зуб попробовал, кивнул. Садись, мол. Я и устроилась на тюках, будто на перине. Улыбаться улыбалась, только все на ворота посматривала: Хендрика боялась. Только дрых муженек. Он так рано не встает, не в поле ж работать! Это мы с матушкой поднимались ни свет ни заря. Скотина ждать не будет.

Но вот купеческий караван тронулся, началось мое путешествие в столицу. Оно выдалось не таким, как представлялось. Во-первых, я отбила себе абсолютно все. Говоря: «Все», увы, не шутила. Подозреваю, синяки с пятой точки сойдут не скоро. Во-вторых, скажите, какого... э-э-э... доброго духа, все прелести женского существования обостряются в самое неподходящее время?

Купцы, разумеется, расстроились, узнав, что сеновал отменяется. Они, конечно, попробовали, намекнули так ненавязчиво: а не отдохнуть ли в рощице? Не, я пошла, пожевала чужой провиант и сообщила: не могу, недельку обождать придется. Лица вытянулись, и все, плакала моя мягкая подстилка. Купцы набычились, надулись: обманула, девка! Сразу за проезд деньгу содрали. Ладно, в кошельке кое-чего осталось. Немного, но ведь студентам стипендия положена, да и не пришлось ножичек доставать. Не настолько я охоча до знаний, чтобы по рукам ходить.

Хендрик, к слову, огорчил. Вот где он, спрашивается? Любимая жена сбежала, а ему плевать. Баба с возу — кобыле легче. Вот припомню, утру нос мерзавцу. Будет знать, как о супруге заботиться!

После выяснилось, муж — не бессердечная скотина. Нашел-таки в харчевне. Я, разумеется, юркнула в кладовку, попросив купцов не говорить, что меня видели. За монету согласились соврать. Наблюдала за ним через щелочку, все ждала, Хендрик харчевню обшарит — увы и ах! Есть уселся, с подавальщицей ворковал. Так бы глаза и выцарапала! Ей. А ему... Умею я визжать на одной ноте — разбойники обзавидуются.

Еле сдержалась, чтобы не подойти, не плюхнуться нагло мужу на колени, чмокнуть в щеку и заняться содержимым тарелки. Глаза бы у вертлявой девицы повылезали, быстро бы смоталась. Хендрик же... Я тоже нотации читать умею, много наговорила бы о супружеской верности и любви ко второй половинке. Что-то она в последнее время остыла. Или старая стала, два года пожил, пора новую искать? Помнится, Хендрик жениться не жаждал, если бы не отчим, не стала бы Выжгой. Зато цветы дарил, колечки, теперь иди, баба, на базар, денег на баловство нет.

Словом, крепко обиделась на мужа. Все ждала, что в пути нагонит, — и не подумал.

Наконец мы добрались до столицы. Она, конечно, не чета нашему городу — и больше, и красивее. Видна издали. Дух захватывает от разноцветных крыш, башен и башенок! Одни просто со шпилями, другие с флагами. Самый большой — с гербом Златории: тремя синими рыбами на золотом фоне, — разумеется, плескался на ветру над воротами, чтобы все видели, их встречает столица.

Город опоясывали стены. Такие высокие! Как и мусорные кучи под ними. Хихикнула: куда без них! Забираются горожане наверх и отпускают хлам в свободный полет. И лежит он спокойненько в овраге, миазмы испускает. Заумное словечко «миазмы» переняла от мужа: Хендрик когда-то со мной разговаривал не только о кастрюлях. Давненько, увы, до свадьбы.

Как ни хотелось, пришлось слезть: с пеших въездной пошлины не берут. Или только с таких убогих, как я? На всякий случай соорудила скорбное лицо и придумала легенду о бродяге-муже, который обрюхатил и бросил, а я к маме иду. Надеюсь, где мама живет, спрашивать не станут, а то, что живота нет, так сменную одежду под платье подсунула — и сразу на шестом месяце.

Стражники меня проигнорировали, мазнули взглядом, и гуляй, локтями то есть работай. Толчея у ворот — базар позавидует! Хотя и вправду лягайся. С горем пополам, не растеряв вещички, протиснулась и разинула рот. Святые отцы, куда ж мне теперь! Где эта бесова академия? Я по дурости полагаю, быстро ее найду — ага, щас! Вот новых хозяев для кошелька — запросто, поэтому рот закрыла, а кошелек намертво к себе прижала. Потопала туда, куда люди шли. Авось хоть на местную базарную площадь выйду.

Нет, домища-то! Мы с Хендриком в таком живем, но муж — маг, а тут у самых стен стоят, явно, небогатые обитают. Все, тоже другие хоромы хочю. Выучусь, заработаю денег и построю. Может, даже в два этажа, как тот, за углом.

Пару раз меня, разинувшую рот провинциалку, чуть не задавили лошадьми, еще с десяток обругали. Вздохнула с облегчением, когда по бокам улицы появились деревянные настилы. По ним не скакали всадники и не сновали повозки, зато ходили разносчики с широченными коробами. Попробуй обойди такого! На то и рассчитано, чтобы купила кренделек. Только я все повадки знаю, просто так с медяком не расстанусь.

Меня действительно вынесло на рыночную площадь. Только на центральную она совсем не походила. Обычные домишки, ни Управы тебе, ни гостиницы. Видимо, в столице все иначе устроено. Пошаталась по рядам, приценилась к вещичкам, купила пирожков и кувшинчик морса — я запасливая, бережливая, да